

ОРИГИНАЛЬНАЯ
СТАТЬЯНеврологический вестник — 2015 — Т. XLVII,
вып. 2 — С. 34—41

УДК: 616.89—008.441.33—06:616.89—008.485

ДИССОЦИАТИВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ НАРУШЕНИЯ
ЛИЧНОСТНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ПРИ НАРКОТИЧЕСКОЙ ЗАВИСИМОСТИИрина Владимировна Завесотская¹, Вера Борисовна Никишина¹,
Анна Ивановна Ахметзянова²¹Курский государственный медицинский университет, 305041, г. Курск, ул. К. Маркса, д. 3.,²Казанский (Приволжский) федеральный университет, 42008, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18,

e-mail: ah_anna@list.ru

Реферат. Рассмотрены результаты исследования диссоциативных механизмов нарушения личностной идентичности при наркотической зависимости. Использование наркотических веществ на любом этапе развития личности искажает процесс формирования ее идентичности, приводя к возникновению аддитивной идентичности, для которой наркотическое вещество становится неотъемлемой частью «Я». Любая зависимость нарушает процесс формирования идентичности.

Ключевые слова: личностная идентичность, диссоциативные механизмы, наркотическая зависимость.

DISSOCIATIVE MECHANISMS OF INFRINGEMENT
OF PERSONAL IDENTITY OF PEOPLE WITH DRUG
DEPENDENCEIrina V. Zapesotskaya¹, Vera B. Nikishina¹,
Anna I. Akhmetzyanova²¹Kursk State Medical University, 305041, Kursk,
K. Marx str., 3, ²Kazan (Volga) Federal University,
42008, Kazan, Kremlevskaya str., 18, e-mail: ah_anna@list.ru

There have been studied the results of study of dissociative mechanisms of infringement of personal identity of people with drug abuse. Use of narcotic substances at any stage of development of the personality distorts the process of shaping its identity, giving rise to the additive identity for which the drug substance becomes an integral part of Ego. Any dependence violates the process of identity formation.

Key words: personal identity, dissociative mechanisms, drug dependence.

Феномен идентичности в психологии концептуализируется по различным методологическим основаниям (психодинамического, когнитивно-бихевиористического, экзистенциально-гуманистического направлений) и рассматривается в контекстах условий, факторов, этапов, форм реализации идентичности. Психологические аспекты категории идентичности рассматривались представителями различных психологических школ и направлений: в рамках психоанализа [28–30, 32, 37], в рамках когнитивной психологии

[31], в рамках символического интеракционизма [17], в современной отечественной психологии [6–8, 10, 29, 25, 26].

Идентичность, с точки зрения концепции У. Джемса, является одним из личностных оснований, которые помогают человеку сохранить самоуважение и целостность собственного образа «Я». Самоуважение индивида определяется им в свою очередь как «отношение наших действительных способностей, реально достигнутого успеха и притязаний, проявляющихся в желании занять определенное положение в обществе и кем-то стать» [5]. Э. Эриксон характеризует идентичность как внутреннюю непрерывность и тождественность личности [27, 28], рассматривая ее как структуру, состоящую из определенных элементов [1]. Дж. Марсиа определяет идентичность как «внутреннюю самосоздающуюся, динамическую организацию потребностей, способностей, убеждений и индивидуальной истории» [30]. В рамках символического интеракционизма идеи о природе идентичности реализуются выделением двух аспектов идентичности – ориентированного на социальное окружение и на уникальность человека, а также представлением о взаимосвязи этих аспектов и необходимости приложения определенных усилий со стороны индивида для поддержания идентичности [1].

Таким образом, в настоящее время общим в объектно-предметном психологическом поле выступает понимание идентичности как динамичной структуры, имеющей процессуальный характер, изменяющейся на протяжении всей жизни человека.

Формирование идентичности происходит на протяжении жизни и сопровождается кризисами, которые проявляются конфликтами между сложившимся содержанием идентичности и акту-

альной социальной ситуацией [25, 26]. Рабочим определением исследуемого феномена приемлем идентичность как результат активного процесса, отражающего представление субъекта о себе, собственном пути развития и сопровождающийся ощущением сильного «Я» в собственной непрерывности, тождественности и определённости, что даёт возможность человеку воспринимать свою жизнь как опыт продолжительности и единства сознания, целостности жизненных целей и повседневных поступков, действий и их значений, которые позволяют действовать последовательно [13, 21].

В интерпретации к пониманию генезиса идентичности выделяют следующие тенденции: идентичность представлена динамической структурой, которая способна к формированию на протяжении онтогенеза; процесс развития идентичности можно представить как в прямом, так и в обратном направлении; процесс формирования идентичности непрерывен, континуален; процесс формирования идентичности обусловлен и детерминирован изменениями, происходящими как во внешней, преимущественно социальной среде, так и в самом человеке [4]. Генез идентичности реализуется как в продуктивном (раскрывается ценностное содержание личности), так и в деструктивном направлении, идентичность при котором приобретает искаженные или патологические формы.

Содержание идентичности может быть описано системой статусов [25]: преждевременная идентичность, диффузная идентичность, мораторий, достигнутая позитивная идентичность, псевдопозитивная идентичность. По мнению Н.В. Дмитриевой, изменение идентичности обусловлено изменениями в социальном окружении индивида [6–9]. Автор выделяет два типа трансформации идентичности: 1) позитивная трансформация идентичности (кризисы идентичности, способствующие ее переструктурированию и решению человеком определенных проблем, значимых для него в данный период жизни); 2) негативная трансформация идентичности (включает диффузную идентичность, характеризующуюся потерей человеком значимых ориентиров и приводящую к ощущению «размытости» своего «Я»).

Диффузная идентичность понимается как статус идентичности, при котором не имеется прочных целей, ценностей, убеждений и попыток их активно сформировать. Критерием размытой (диффузной) идентичности является

неудовлетворенность собой и своими возможностями, сомнение в способности вызвать у других уважение к себе, сомнение в ценности собственной личности, отстраненность, граничащая с безразличием к собственному «Я», потеря интереса к своему внутреннему миру.

Одно из проявлений негативной трансформации идентичности – аддиктивная идентичность, которая понимается как осознание личностью, стремящейся к уходу от реальности посредством изменения психического состояния, своей уникальности и неповторимости [10]. Аддиктивная идентичность – это патологическое образование, вытесняющее базисную диффузную идентичность, на основе которой и развилась зависимость. В целом, она деструктивна, так как в ней проявляется основное содержание деструктивности – причинение вреда самому себе и окружающим. Н.В. Дмитриева, О.В. Дубровина [19] рассматривают диффузную идентичность в качестве предиктора негативной трансформации. Механизмом складывания аддиктивной идентичности выступает механизм фиксации аддиктивного мотива.

В состоянии зависимости доминирующим становится аддиктивный мотив, происходит его фиксация. Фиксируется мотив во многом благодаря высокой ригидности, присущей зависимым людям [15, 16], но этот фактор также сочетается с другими и усиливает фиксацию. Но поскольку зависимый человек не может полностью удовлетворить имеющуюся потребность и, следовательно, снизить побудительную силу мотива, происходит его постоянная фрустрация. Из всего многообразия мотивов фиксируется один, его принудительная сила возрастает, активность человека перестраивается, приобретая характер опосредования свойствами объекта [19]. Аддиктивный мотив характеризуется усилением динамических свойств, изменением содержательных характеристик (мотив становится неосознанным, некритичным, акцентуированным).

Среди факторов, фиксирующих аддиктивный мотив, можно назвать следующие: биологические, к которым можно отнести наследственную предрасположенность; индивидуально-типологические (особенности конституции, работы нейромедиаторной и нейромодуляторной систем, индивидуально-типологическое свойство – ригидность); социально-средовые (социальное окружение, стиль семейного воспитания). Каждый из этих факторов имеет огромное значение в возник-

новении зависимости, однако состояние зависимости закрепляется тем быстрее и тем более неблагоприятным будет прогноз, чем больше факторов будут оказывать влияние на человека.

Совмещая две исследовательские позиции (Л.Б. Шнейдер [25, 26] и Н.В. Дмитриевой [6, 8]), представим схему, отражающую распределение статусной системы идентичности в континууме «позитивная идентичность — негативная идентичность». Аддитивная идентичность генерирует проявления статусов негативной трансформации. В качестве базисной основы негативной трансформации идентичности выступает диффузная идентичность. Статус моратория идентичности, характеризующий кризисы идентичности, указывает на сохранный ресурс (рис. 1).

Рис. 1. Распределение статусной системы идентичности в континууме «позитивная идентичность — негативная идентичность».

Психологические механизмы трансформации личностной идентичности в направлении аддитивной идентичности реализуются через изменение компонентов (когнитивный, эмоциональный, мотивационно-волевые процессы) структуры идентичности [6, 8]. Диссоциативные механизмы трансформации личностной идентичности представляют собой систему регуляторных процессов и факторов, обеспечивающих возникновение, модуляцию или прекращение диссоциативных реализаций.

Категория диссоциации имеет статус междисциплинарной. В психологических исследованиях диссоциация рассматривается как фундамен-

тальное свойство психики, лежащее в основе многих феноменов при нормальном и нарушенном функционировании психики. Вариативность и распространенность форм диссоциативных состояний указывают на важность их значения в функционировании психики с точки зрения адаптации к меняющимся условиям природной и социальной среды. Феномен диссоциации впервые был описан П. Жане в рамках концепции диссоциации. Психологическое содержание феномена диссоциации определяется как характеристика процесса, посредством которого согласованный набор действий, мыслей, отношений или эмоций становится отделенным как структурный элемент личности и функционирует независимо [22].

В качестве основной черты патологической диссоциации Н.В. Тарабрина [22] приводит нарушение интегрированных в норме «функций сознания, осознания подлинности своего эго или моторного поведения, в результате которого определенная часть этих функций утрачивается». Л.В. Ромасенко рассматривает диссоциацию как «разведение, разобщение связей, бессознательный процесс, разделяющий мышление (или психические процессы в целом) на отдельные составляющие, что ведет к нарушению обычных взаимосвязей...».

Диссоциативные феномены как механизмы — это система регуляторных факторов, обеспечи-

вающих возникновение, модуляцию или прекращение диссоциативных реализаций.

Формирование и реализация идентичности осуществляется в системе отношений. Отношения, согласно теории В.Н. Мясничева, рассматриваются как целостная система индивидуальных избирательных, сознательных связей личности с различными сторонами действительности. Система отношений разворачивается в трех плоскостях: внутрисубъектное пространство отношений, субъект-субъектное пространство отношений, субъект-объектное пространство отношений. Система отношений регулируется посредством психологических механизмов, представляющих собой постоянно действующую или ситуативно возникающую целостную психологическую систему, обеспечивающую выполнение тех или иных регулятивных функций [24].

Диссоциативные механизмы при наркотической зависимости трансформируют систему внутрисубъектных отношений и приводят к нарушению личностной идентичности, характеризующейся нарушением чувства времени, чувством потери контроля над поведением, изменением в эмоциональной экспрессии, нарушением восприятия, снижением осмысленности жизни, появлением чувства «омоложения» или возрастной регрессии [3].

Феномен зависимости реализуется в системе отношений субъект-объектной направленности: субъект-субъектные отношения опосредуются объектом зависимости – наркотическим веществом [19]. При этом изменение субъект-субъектных отношений, обеспечиваемое диссоциативными механизмами, изменяет базовый уровень системы отношений – внутрисубъектные отношения. Зависимость – это ценностная связь между субъектом и объектом. Связь состоит в определенном сверхзначимом отношении субъекта к объекту и проявляется в болезненном характере их взаимодействия.

Использование наркотических веществ на любом этапе развития личности искажает процесс формирования ее идентичности, приводя к возникновению аддитивной идентичности, для которой наркотическое вещество становится неотъемлемой частью «Я». Любая зависимость нарушает процесс формирования идентичности.

Целью исследования являлось изучение диссоциативных механизмов нарушения личностной идентичности при наркотической зависимости. Использовались следующие методы: шкала

диссоциации (DES) в адаптации Н.В. Тарабриной, метод «Тень» В.Б. Никитиной, Е.А. Петраш, «Метод исследования личностной идентичности» Шнейдер Л.Б. Исследование осуществлялось на базах Областной наркологической больницы г. Курска и Курской клинической психиатрической больницы. Общий объем выборки составлял 214 человек в возрасте 22–45 лет. По критерию объекта зависимости были сформированы две экспериментальные и две контрольные группы. Экспериментальные группы составили лица с наркотической зависимостью: 58 человек с каннабиноидной (F12.2. Психические и поведенческие расстройства, вызванные употреблением каннабиноидов – синдром зависимости по МКБ-10) и 56 с опиоидной (F11.2. Психические и поведенческие расстройства, вызванные употреблением опиоидов – синдром зависимости по МКБ-10). В первую контрольную группу вошли 50 человек с алкогольной зависимостью (F10.3 по МКБ-10), во вторую – 50 без зависимости на основании данных профосмотра, осуществляемого на базе Областной клинической больницы. Группы были идентичны по полу и возрасту.

Технологически реализация исследования диссоциативных механизмов нарушения личностной идентичности при наркотической зависимости осуществлялась последовательно в два этапа. Задачей первого этапа являлось изучение статусной системы личностной идентичности при наркотической зависимости, второго – оценка уровня диссоциированности при наркотической зависимости и анализ взаимосвязи статусной системы личностной идентичности и уровня диссоциированности при наркотической зависимости. В результате исследования статусной системы личностной идентичности при наркотической зависимости выявлено значимое преобладание статуса диффузной идентичности (в результате оценки значимости различий между лицами с алкогольной и наркотической зависимостью и отсутствием таковой: $U_{\text{эмп}}=230,0$; $p \leq 0,05$), которая характеризуется следующим: отсутствием устойчивых целей, ценностей и убеждений и попыток их активно сформировать; неудовлетворенностью собой и своими возможностями, сомнением в способности вызвать у других уважение; сомнением в ценности собственной личности; отстраненностью, граничащей с безразличием к собственному «Я»; потерей интереса к своему внутреннему миру; ригидностью Я-концепции; наличием сомнений, заниженной

Рис. 2. Статусная система личностной идентичности при наркотической зависимости.

Рис. 3. Статусная система личностной идентичности при отсутствии наркотической зависимости.

самооценкой, приводящей к сомнениям в своей способности что-то изменить или предпринять (рис. 2).

Данная тенденция не является видоспецифичной: значимое преобладание диффузной идентичности характерно как для опиоидной, так и для каннабиноидной зависимости.

В результате исследования статусной системы личностной идентичности при отсутствии наркотической зависимости выявлено преобладание диффузной личностной идентичности и личностной идентичности в статусе моратория при алкогольной зависимости, а также достигнутой позитивной идентичности при отсутствии зависимости (рис. 3).

При анализе показателей статусной системы личностной идентичности при наркотической (опиоидной и каннабиноидной) зависимости выявлено отсутствие статистически значимых различий. Тем не менее анализ средних значений выявил, что при опиоидной зависимости ($X \pm \sigma = 1,90 \pm 0,09$) представленность диффузной личностной идентичности выше, чем при каннабиноидной ($X \pm \sigma = 1,66 \pm 0,27$) и алкогольной ($X \pm \sigma = 1,79 \pm 0,32$) зависимости.

На основании результатов исследования статусной системы личностной идентичности при наркотической зависимости внутри каждой исследовательской выборки было сформировано пять групп по критерию статуса личностной иден-

Таблица 1

Показатели выраженности диссоциации при наркотической зависимости и отсутствии таковой ($\bar{x} \pm \sigma$)

Статусы личностной идентичности	Опиоидная зависимость	Каннабиноидная зависимость	Алкогольная зависимость	Отсутствие зависимости
Диффузная идентичность	0,38±0,02	0,39±0,20	0,36±0,19	0,27±0,18
Преждевременная идентичность	0,23±0,04	0,22±0,04	0,24±0,03	0,12±0,01
Мораторий идентичности	0,17±0,03	0,15±0,03	0,26±0,07	0,15±0,04
Достигнутая позитивная идентичность	0,21±0,02	0,18±0,08	0,20±0,05	0,13±0,03
Псевдопозитивная идентичность	0,19±0,06	0,16±0,02	0,19±0,04	0,12±0,03

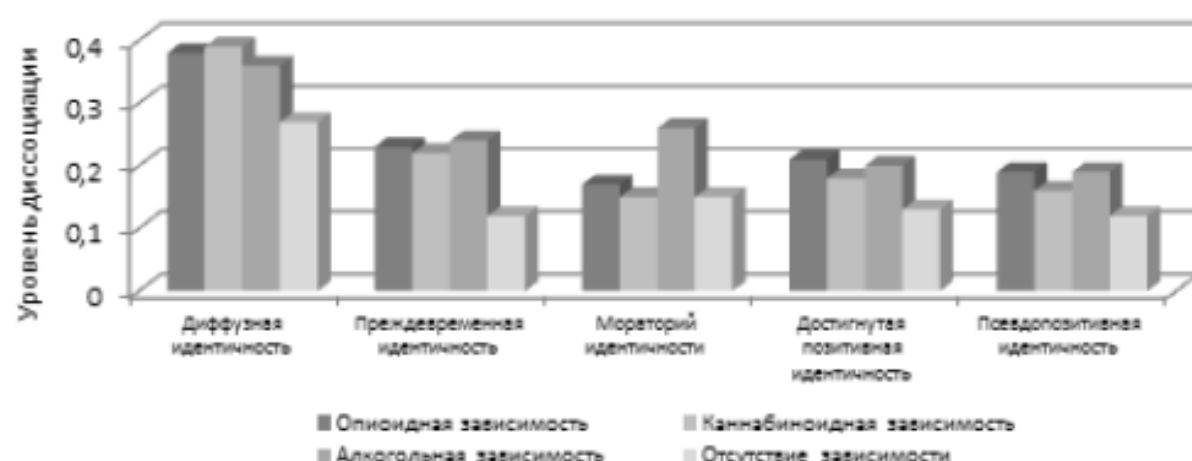

Рис. 4. Показатели выраженности диссоциации при наркотической зависимости и отсутствии таковой.

Таблица 2

Результаты корреляционного анализа статусной системы личностной идентичности и показателей диссоциации при наркотической зависимости и ее отсутствии

Статусы личностной идентичности	Опиоидная зависимость (r)	Каннабиноидная зависимость (r)	Алкогольная зависимость (r)	Отсутствие зависимости (r)
Диффузная идентичность	0,48*	0,47*	0,49*	0,38*
Преждевременная идентичность	0,19	0,16	0,12	0,15
Мораторий идентичности	0,26	0,22	0,35*	0,14
Достигнутая позитивная идентичность	0,21	0,10	0,13	0,19
Псевдопозитивная идентичность	0,12	0,22	0,24	0,21

* Значимость взаимосвязи.

тичности. Исходя из распределения по статусной системе личностной идентичности сформировать эквивалентные по количеству выборки не удалось.

В результате исследования показателей выраженности диссоциации при наркотической зависимости были выявлены следующие тенденции: при диффузной личностной идентичности – высокий уровень диссоциации как при наркотической зависимости – опиоидной и каннабиноидной, так и при ее отсутствии – алкогольной зависимости и отсутствии зависимости (табл. 1).

Выявлены статистически значимые различия между лицами с химической зависимостью (алкогольной и наркотической) и группой с отсутствием зависимости ($U_{\text{эмп}}=325,50$; $p \leq 0,05$). Установлены статистически значимые различия в проявлении выраженности диссоциированности между группами с каннабиноидной и опиоидной зависимостью ($U_{\text{эмп}}=272,50$; $p \leq 0,05$). Полученные данные свидетельствуют о том, что при каннабиноидной зависимости показатели по шкале диссоциации наиболее выражены в сравнении с опиоидной и алкогольной зависимостью (рис. 4).

При оценке индекса диссоциации с использованием метода «Тень» выявлены высокие показатели при каннабиноидной ($X \pm \sigma = 30,33 \pm 3,28$), опиоидной ($X \pm \sigma = 22,5 \pm 3,09$) и алкогольной ($X \pm \sigma = 26,4 \pm 2,41$) зависимости. Полученные данные указывают на снижение когнитивного компонента личностной идентичности, который представлен основным изображением и изображением тени, а также на снижение представления образа «Я» при каннабиноидной и опиоидной зависимости. При отсутствии зависимости обследованные характеризовались более высоким индексом диссоциации, чем при зависимости (как наркотической, так и алкогольной), что указывало на более четкие представления о себе и собственном образе «Я», а также на устойчивость когнитивного компонента.

Взаимосвязь статусной системы личностной идентичности и показателей диссоциации при наркотической зависимости оценивали путем корреляционного анализа (r – критерий ранговой корреляции Спирмена). Полученные результаты представлены в табл. 2.

Полученные показатели статусной системы личностной идентичности при наркотической зависимости свидетельствуют о том, что диффузный статус личностной идентичности обеспечивается диссоциативными механизмами, реализуемыми в высоком уровне диссоциации.

Итак, личностная идентичность при наркотической зависимости характеризуется диффузным статусом, характеризующимся неустойчивостью целей и системы ценностей, снижением осмысленности, ригидности Я-концепции, составляющей ядро личностной идентичности. Высокий уровень диссоциации обеспечивает диффузный статус личностной идентичности, поддерживая процесс негативной трансформации в аддиктивную идентичность, характеризующуюся осознанием личностью при наркотической зависимости своей принадлежности к отклоняющейся от нормы социально-личностной позиции в рамках аддиктивных социальных ролей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антонова Н.В. Проблема личностной идентичности в интерпретации современного психоанализа, интеракционизма и когнитивной психологии // Вопросы психологии. 1996. №1. С. 131–143.
2. Ахметзянова А.И. Основы психопатологии. Saarbrücken, Germany: Palmarium Academic Publishing, 2012. 160 с.
3. Бокан Н.А., Овчинников А.А. Диссоциативная парадигма в наркологии. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2009. 202 с.

4. Вардьян Н.Т. Теоретический обзор исследований развития личностной и социальной идентичности / Сб. конференций НИЦ «Социосфера». 2012. № 16. С. 23–27.
5. Джеймс У. Психология. М., 1991. С. 27.
6. Дмитриева Н.В. Аддиктивная идентичность виртуально зависимой личности. Ишим: Изд-во ИППИ им. Ершова, 2010. 210 с.
7. Дмитриева Н.В. Психологические факторы трансформации идентичности личности. Дисс. ... д-ра психол. наук. Новосибирск, 1999. 361 с.
8. Дмитриева Н.В., Дроздова С.А. Влияние рефлексии на становление идентичности личности // Мир науки, культуры, образования. 2010. № 2. С. 71–75.
9. Дмитриева Т.Б. Клиническая психиатрия. М.: ГЭОТАР Медиа, 1998.
10. Заковоротная М. В. Идентичность человека. Социально-философские аспекты. Ростов-на-Дону: Изд-во Северо-Кавказского научного центра высшей школы. 1999. С. 185.
11. Запесоцкая И.В., Никишина В.Б. Психология зависимости: метапсихологический анализ. Курск: КГМУ, 2012. 252 с.
12. Камалдинов Д. О., Киселева Л. Т. Формирование идентичности и проблема наркотической зависимости / Социально-медицинская профилактика зависимых состояний: Тез. докл. научно-практ. конф. Новосибирск, 1998. С. 23.
13. Малахов В. С. Неудобства с идентичностью // Вопросы философии. 1998. №2. С. 43–54.
14. Международная классификация болезней (10-й пересмотр). Классификация психических и поведенческих расстройств: Клинические описания и указания по диагностике: Пер. на русск. яз. [Под ред. Ю.Л. Нуллера, С.Ю. Циркина]. СПб: АДИС, 1994. 304 с.
15. Менделевич В.Д. Влечение как влечение, бред как бред // Вопросы наркологии. 2010. №5. С. 95–102.
16. Менделевич В.Д. Аддиктивное влечение: теоретико-феноменологическая оценка // Наркология. 2010. №5. С. 94–100.
17. Мид Дж. Интернализированные друтие и самость / Американская социологическая мысль [Под ред. В.И. Добренкова]. М.: Изд-во МГУ, 1994. 496 с.
18. Мяснишев В.Н. Психология отношений. М.: Изд-во МПСИ, 2004. 400 с.
19. Никишина В.Б., Запесоцкая И.В. Механизмы трансформации состояния зависимости // Вестник университета (Государственный университет управления). 2010. №17. С. 83–88.
20. Саклакова Е.В. Проблема личностной идентичности: концептуальное оформление // Вестник Ставропольского государственного университета. 2007. №50. С. 262–268.
21. Солдатова Е.Л., Шляпникова И.А. Это-идентичность как системообразующий фактор формирования личностной зрелости // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Психология. 2010. № 27 (203). С. 66–74.
22. Тарабрина Н.В., Агарков В.А., Быховец Ю.В. и др. Практическое руководство по психологии посттравматического стресса. Ч.1. Теория и методы. М.: Когито-Центр, 2007. 208 с.
23. Четвериков Д.В. Психологические механизмы и структура аддиктивного поведения личности. Дисс. ... д-ра психол. наук. Новосибирск, 2002. 385 с.

24. Шаров А.С. Система ценностных ориентаций как психологический механизм регуляции жизнедеятельности человека. Автореф. дисс. ... д-ра психол. наук. Новосибирск, 2000. 383 с.

25. Шнейдер Л.Б. Идентичность: хрестоматия. Москва–Воронеж, 2003. 242 с.

26. Шнейдер Л.Б. Личностная, гендерная и профессиональная идентичность: теория и методы диагностики. М.: Московский психолого-социальный институт, 2007. 128 с.

27. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. Пер. с англ. М.: Прогресс, 1996. 344 с.

28. Ericson E.H. Identity, youth and crisis. L.: Faber and Faber, 1968.

29. Marcia J.E., Friedman M.L. Ego identity status in college women // *J. Person.* 1970. Vol. 38. № 2. P. 249–268.

30. Marcia J.E. Identity in adolescence [Adelson J. ed.]. *Handbook of adolescent psychology*. N.Y.: John Wiley, 1980.

31. Tajfel H., Turner J.C. An integrative theory of intergroup conflict [Austin W.C., Worchel S. (eds.)]. *The social psychology of intergroup relations*. Montrey: Brooks/Cole, 1979.

32. Waterman A.S. Identity development from adolescence to adulthood: An extension of theory and a review // *Devel. Psychol.* 1982. Vol. 18. № 3. P. 341–358.

REFERENCES

1. Antonova N.V. *Voprosy psikhologii*. 1996. №1. pp. 131–143. (in Russian)
2. Akhmetzyanova A.I. *Osnovy psikhopatologii*. Saarbrücken, Germany: Palmarium Academic Publishing, 2012. 160 p. (in Russian)
3. Bokhan N.A., Ovchinnikov A.A. *Dissotsiativnaya paradigma v narkologii*. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2009. 202 p. (in Russian)
4. Vardanyan N.T. In: *Proceedings of the Conference NITs "Sotsiosfera"*. 2012. № 16. pp. 23–27. (in Russian)
5. Dzheims U. *Psikhologiya*. Moscow, 1991. P. 27. (in Russian)
6. Dmitrieva N.V. *Addiktivnaya identichnost' virtual'no zavisimoi lichnosti*. Ishim: Izd-vo IGPI im. Ershova, 2010. 210 p. (in Russian)
7. Dmitrieva N.V. *MD dissertation (Psychology)*. Novosibirsk, 1999. 361 p. (in Russian)
8. Dmitrieva N.V., Drozdova S.A. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*. 2010. № 2. pp. 71–75. (in Russian)
9. Dmitrieva T.B. *Klinicheskaya psikiatriya*. Moscow: GEOTAR Media, 1998. (in Russian)
10. Zakovorotnaya M.V. *Identichnost' cheloveka. Sotsial'no-filosofskie aspekty*. Rostov-na-Donu: Izdatel'stvo Severo-Kavkazskogo nauchnogo tsentra vysshei shkoly. 1999. p. 185. (in Russian)
11. Zapesotskaya I.V., Nikishina V.B. *Psikhologiya zavisimosti: metapsikhologicheskii analiz*. Kursk: KGMU, 2012. 252 p. (in Russian)
12. Kamalidinov D.O., Kiseleva L.T. In: *Sotsial'no-meditsinskaya profilaktika zavisimykh sostoyanii: Proceedings of the Conference*. Novosibirsk, 1998. p. 23. (in Russian)

13. Malakhov V. S. *Voprosy filosofii*. 1998. №2. p. 43–54. (in Russian)

14. *Mezhdunarodnaya klassifikatsiya boleznei (10-i peresmotr). Klassifikatsiya psikhicheskikh i povedencheskikh rasstroystv: Klinicheskie opisanija i ukazaniya po diagnostike*. Per. na russk. yaz. [Pod red. Yu. L. Nullera, S.Yu. Tsirkina]. St.Petersburg: ADIS, 1994. 304 p. (in Russian)

15. Mendelevich V.D. *Voprosy narkologii*. 2010. №5. pp. 95–102. (in Russian)

16. Mendelevich V.D. *Narkologiya*. 2010. №5. pp. 94–100. (in Russian)

17. Mid Dzh. In: *Amerikanskaya sotsiologicheskaya mysl'* [VI. Dobren'kov ed.]. Moscow: Izd-vo MGU, 1994. 496 p. (in Russian)

18. Myasishchev V.N. *Psikhologiya otoshenii*. Moscow: Izd-vo MPSI, 2004. 400 p. (in Russian)

19. Nikishina V.B., Zapesotskaya I.V. *Vestnik universiteta (Gosudarstvennyi universitet upravleniya)*. 2010. №17. pp. 83–88. (in Russian)

20. Saklakova E.V. *Vestnik Stavropol'skogo gosudarstvennogo universiteta*. 2007. №50. pp. 262–268. (in Russian)

21. Soldatova E.L., Shlyapnikova I.A. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Psikhologiya*. 2010. № 27 (203). pp. 66–74. (in Russian)

22. Tarabrina N.V., Agarkov V.A., Bykhovets Yu.V. et al. *Prakticheskoe rukovodstvo po psikhologii posttraumaticheskogo stressa. Pt.1. Teoriya i metody*. Moscow: Kogito-Tsentr, 2007. 208 p. (in Russian)

23. Chetverikov D.V. *MD dissertation (Psychology)*. Novosibirsk, 2002. 385 p. (in Russian)

24. Sharov A.S. *Extended abstract of MD dissertation (Psychology)*. Novosibirsk, 2000. 383 p. (in Russian)

25. Shneider L. B. *Identichnost': khrestomatiya*. Moscow–Voronezh, 2003. 242 p. (in Russian)

26. Shneider, L.B. *Lichnostnaya, gendernaya i professional'naya identichnost': teoriya i metody diagnostiki*. Moscow: Moskovskii psikhologo-sotsial'nyi institut, 2007. 128 p. (in Russian)

27. Erikson E. *Identichnost': yunost' i krizis*. Per. s angl. Moscow: Progress, 1996. 344 p. (in Russian)

28. Ericson E.H. *Identity, youth and crisis*. L.: Faber and Faber, 1968.

29. Marcia J.E., Friedman M.L. Ego identity status in college women. *J. Person.* 1970. Vol. 38. № 2. pp. 249–268.

30. Marcia J.E. Identity in adolescence [Adelson J. ed.]. *Handbook of adolescent psychology*. N.Y.: John Wiley, 1980.

31. Tajfel H., Turner J.C. *An integrative theory of intergroup conflict* [Austin W.C., Worchel S. (eds.)]. *The social psychology of intergroup relations*. Montrey: Brooks/Cole, 1979.

32. Waterman A.S. Identity development from adolescence to adulthood: An extension of theory and a review. *Devel. Psychol.* 1982. Vol. 18. № 3. P. 341–358.

Поступила 16.02.15.

